

Лера Ко

13 историй из жизни моего отца

Все истории правдивы ровно настолько,
насколько вы готовы в них верить

18+

Лера Ко

13 историй из жизни моего отца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72218632

SelfPub; 2025

Аннотация

Всего тринадцать историй о правильном – этого достаточно, чтобы раскрыть необыкновенную ценность каждого дня.

В центре сюжета – обыкновенный мужчина, чья жизнь наполнена яркими и необычными историями, жизненными и философскими, бытовыми и с оттенками сюрреализма, посвященными дружбе, взрослению, становлению, жизненному выбору и принятию решений. Поданные от первого лица, приключения позволяют погрузиться в разные периоды жизни главного героя и прожить с ним бок о бок то, что оставило столь яркий отпечаток в его памяти.

Простым языком – о сложном, о правде жизни и о том, как ее адаптировать, как преодолеть трудности, найти и сохранить себя.

Лера Ко

13 историй из ЖИЗНИ МОЕГО ОТЦА

Все истории правдивы ровно настолько, насколько вы готовы в них верить

История об историях

От автора

Когда я впервые в жизни столкнулась с творческим кризисом, это оказалось для меня и неожиданно, и неочевидно. Вероятно, рано или поздно эта проблема возникает у любого писателя, но моя сложность состояла в том, что я категорически отрицала этот факт. Любой, у кого есть или были сложности с более серьезными вещами, знает, что признать свою проблему – уже начало пути к избавлению от нее, но, если вы когда-нибудь встречали в жизни писателей, художников и других представителей творческих профессий, вы прекрасно знаете их способ выживать: клин клином. Так что я пыталась себя и героев намертво застрять на тот момент произведения, вытягивая из них уши, душу и другие важные органы. Конечно же, толку от этого было мало.

Писать меня научил отец. Он всегда слушал мои рассказы и придумки и никогда не трактовал их как детский ле-

пет. Он участвовал в их развитии, подпитывал своими же комментариями и очень бережно собирал оброненные мною редкие умные идеи. А когда я научилась писать, он купил мне тетрадку. Да-да, это совершенно реальный случай, описанный в этой же книге в главе про тетради и гелевые ручки.

Собственно, когда через много лет я, повстречавшая кризис жанра, пришла к отцу в гости с твердой целью упрекнуть его в том, что он зря внушил мне, что я должна быть писателем, он, как всегда, внимательно выслушал мои сетования, строго посмотрел на меня и, достав с полки свою тетрадь, сказал:

– Глупости. Если не пишется, то, значит, ты просто не знаешь, о чем писать. Вот послушай, я сейчас тебе накидаю несколько идей.

Эта часть про «гаражную тетрадь» тоже упомянута мною все в той же истории, как и вставлены детали о жабе и глухом баянисте, которые пришли ко мне именно в тот самый день, когда я призналась самой себе, что у меня кризис.

Однако все началось совсем с другого: с истории про Джека. Отец рассказал мне ее в другом формате и в другом контексте, и на самом деле это было просто упоминание о том, что его пес ушел в лучший мир. Это был удивительный пес, который попал к нему если не во взрослом, то в откровенно преклонном возрасте, с порванной от тугой цепи шеей. У него были сложные отношения со всеми, кто приходил к отцу. Со всеми, кроме меня. Меня он любил и принимал, уж

и не знаю даже на каких основаниях. Я знала, что их с отцом дружба была вне времени, логики, человеческого понимания и вне принятия до конца факта его ухода, так что тем же вечером я сотворила рассказ о черном друге и подарила его отцу. Посмотрев на меня, на рассказ, на Джека в своих воспоминаниях, он спросил у меня:

– Откуда ты все это взяла?

– Сама придумала, – ответила я и в тот миг поняла, что рождена быть писателем, и сейчас в моей жизни именно то время, когда это предназначение нужно осуществлять.

Так появилось еще несколько историй, отдельных и самостоятельных, а именно: про цыганку, отказавшуюся гадать, и о китайской розе Матильде. И когда я отдала их на рецензирование отцу, он пожурил меня: мол, не хорошо писать от лица мужчины. На что я удивленно ответила, что как же мне по-другому писать-то, ведь это его рассказы.

– Книга так и будет называться – «13 историй из жизни моего отца». От чьего же еще лица мне их писать?

Это был второй раз за короткое время, когда я увидела, как его лицо просветлело.

Истории, собранные под этим названием, не являются разрозненными рассказами, они – главы одной долгой, разнообразной и очень интересной жизни, которая совершенно чудесным образом вдруг открылась передо мной. Не всем так везет – иметь вдохновителя и кладезь жизненных премудростей в одном лице, под рукой и на протяжении долгих

лет, так что я исполняю свой писательский долг и делюсь с читателями тем, что мне выпала честь узнать о людях.

Мои тринадцать рассказов – не фантастика, не фэнтези, не сказки и не выдумка, это писательская трактовка реальных событий, которыми наполнен мир вокруг нас. Большинство глав сопровождаются посвящением, которые давали мне возможность сделать отсылки к моим собственным бытовым приключениям. Все истории правдивы ровно настолько, насколько вы готовы в них поверить. Кто-то где-то узнает себя – это я вам гарантирую, но если вы уже знаете, что ищете, то я облегчу вам задачу, дав несколько советов перед чтением:

– начните читать с первой истории, если вам хочется приключений, потом добавьте восьмую и четвертую: так вы получите отличный роман с сильным персонажем, который развивался всю жизнь и стремился в ней быть правильным и хорошим;

– девятая история про поход в горы основана на реальных событиях на плато Бермамыт, имевших место в августе, когда действительно полагалось ночью смотреть на метеоритный дождь и встретить рассвет с видом на Эльбрус. Она напомнит вам юность, наполнит вас жаждой жить и обеспечит улыбку и послевкусие, как от хорошего домашнего пирога с малиной;

– любителям трогательного и человеческого рекомендую начать с одиннадцатой истории про собаку Чарли и обернуть вечер в прочтение пятой, теплой истории о семьях;

– ну а если вы хотите познакомиться с моим отцом поближе, то прежде всего вам стоит взяться за ранее упомянутую тетрадку в истории номер два.

Друзья, читатели и единомышленники, повторюсь: эта книга – не сборник рассказов, это единый роман, жизненная повесть, биография с толикой литературной трактовки, это ода жизни и своеобразное признание в любви к семье, родным, друзьям и людям в целом. Вы можете читать главы в любом порядке, можете не читать их все, а только несколько, можете сомневаться в их реалистичности и говорить о том, что здесь слишком много/мало художественного смысла, но если вы возьмете себе на заметку хоть одну из описанных мыслей, то я буду знать, что моя миссия сделать вас счастливыми выполнена.

Ну а если вы хотите, чтобы я сразу дотронулась до вашей души, начните читать этот роман-путь с истории про Джека, папиного пса, который нашел свой покой в рассказе номер двенадцать. Это именно та история, которая заставила меня снова почувствовать себя писателем.

История 1. Разрешите не знать

Посвящается всему тому, что происходит с нами так неожиданно

В то время я очень любил путешествовать на поезде и решил позволить себе эдакое летнее приключение. Конечно, скажете вы, что в этом романтичного? Садись себе в вагон в

одном городе да выходи в другом. Но нет. В тот раз решил я себя побаловать и организовать именно *приключение*. Это был мой первый летний отпуск, и мне очень хотелось, чтобы он был запоминающимся.

Во-первых, поездка эта была запланирована многосоставной. В январе того года я получил права, а в марте мне уже выдали служебную машину, так что путь мой начинался от города, в котором был я тогда на службе, в город, из которого должен был отправляться новенький поезд на юг. То есть ехал я с севера к себе домой, а оттуда – к морю.

Сослуживцы отговаривали меня. Мол, охота тебе тащиться на машине да еще и потом на поезде? Легче же самолетом: раз – и на месте! Но много ли они понимали? Я и сам себя не понимал, знал только, что хочу. А молодым не пристало отказывать себе. Вот и я не стал, собрал свою сумку, написал домой телеграмму и – в путь.

Дорога до дома была дальняя – часов десять, а для таких водителей, как я, все двенадцать. Я выехал рано утром, чуть тронулся рассвет. Как сейчас помню, суббота, из людей на дороге только водители хлебовозок. Сначала меня переполнял адреналин, но, когда я мерно покатил под собственное бормотание мелодий под нос, успокоился и стал чувствовать единение с движением. И наступило наслаждение: мое приключение началось.

Это было как нельзя верное замечание, потому что случай, который произошел в какой-то момент моей длинной

двенадцатичасовой дороги, я запомнил на всю жизнь. Хотите верьте, хотите нет, но это было, и было действительно так.

Ход был хороший. Я на полосе один, на встречной никого. Солнце уже давно взошло, и видимость была чистой и приятной. Казалось, мир хрустит, как свежее яблоко. И тут я увидел перед собой огромного черного пса. Он стоял прямо на разметке, смотрел прямо на меня и не собирался уходить. Между нами было еще расстояние, и я нажал на клаксон. Моя четырехколесная юность выдала гулкий «бип-бип», так что птицы взмыли ввысь из своих придорожных гнезд. Собака – ни шагу. Я надавил на «бип-бип» еще раз, но результат остался тем же. Я мчался ей навстречу. Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что я все еще один, и взять вправо. Я отчетливо видел, как огромный черный пес шагнул влево, в сторону встречной полосы, и – пропал. Через долю секунды я промчался мимо того места, где он только что был. Я ударил по тормозам. Машину повело, но я смог ее выровнять. Стал смотреть по зеркалам – никого. Когда ход был сброшен, я выскочил из машины и пробежал несколько шагов обратно – никого. Мимо меня пронеслась хлебовозка, и водитель помахал мне, лучезарно улыбаясь. Думаю, он не был бы так счастлив, если бы в нескольких метрах увидел следы нашего столкновения с собакой.

А их действительно не было. Ни пса, ни следов, ни доказательств, что я его видел, – не было ничего. Я сел в машину и гнал до дома даже без остановок на перекур.

В открытые окна врвался горячий воздух, окутывая коридор клубами дорожной пыли. Стоял самый разгар июня, пассажиры поезда, идущего на юг, к морю, были измучены жарой, долгой дорогой и кажущимся практически бесконечным стрекотанием колес. Форточки были распахнуты, окна – настежь, но и это не создавало ни единого спасительного дуновения, зато искажало все звуки перронных и вагонных разговоров, делая их звучнее, громче, романтичнее. Это было настоящее лето со всеми его причудами, надеждами и миражами.

Контингент казался типичным. Где-то плакали дети, вот пропыхтела старушка, за стенкой перманентно раздавался завидный храп. Я ехал в купе еще с тремя пассажирами, однако двое были просто тенью, что меня и радовало, и несколько огорчало, ведь ехать мне было еще далеко. Еще одним участником внезапно оказался мой школьный знакомый. Я был рад его увидеть, хотя это и казалось мне очень и очень странным, ведь когда ты получаешь аттестат, а вместе с ним и право что-то решать в своей жизни, первое, что ты делаешь, – решаешь никогда больше не видеться со школьными знакомыми.

Человек он был военный, ехал при форме, и сначала я даже ошетинился, поскольку край как не любил, когда кто-то кичится своей работой, но потом я понял, что это у него такая манера, и что немного уставшие глаза, как у дрессиро-

ванного льва, привыкли бегать по сторонам, оценивать и всегда быть готовыми ко всему. Мы сухо поболтали о том и о сем, я рассказал ему о моем отпуске, дороге на машине, передал выдуманный привет от маман, якобы она его помнит. Хотя это и было почти правдой, потому что моя маман помнила всех до единого по именам и лицам родителей из моего школьного пребывания, но приплел я ее сюда потому, что мне хотелось иметь больше точек соприкосновения из прошлого, чем искать их в настоящем.

Я всегда был из тех, кто не любил слишком долго и глубоко копаться в мотивах. Мне почти всегда все было ясно сразу, а тому, чему я не мог найти объяснений, а особенно это касалось людей и их поступков, я отводил место в категории под названием «Ну, вот так». Было много разных подкатегорий, но самой большой из них была графа «Просто дураки». Иногда из нее что-нибудь доставалось, подвергалось повторному тщательному анализу и либо ползло куда-то в сторону, либо навсегда укоренялось на том месте. Но в тот год я завел для себя новую меру – «Что-то очень странное» – и до сих пор живу с ней, собирая истории. Некоторые из них вы можете найти в других главах этой книги, какие-то я сокровенно унесу с собой. Ну а то, что положило начало всему и вся, я расскажу здесь.

Произошло следующее: на одной из станций, в самом начале долгой остановки на перроне, мы увидели цыган. В те времена это были страшные люди. Их современные предста-

вители не обладают уже тем влиянием, никто не запугивает детей, а молодежь даже не вытаскивает наушники, когда к ним кто-то обращается, но тогда... Аж кровь в жилах стыла, как только на горизонте начинали маячить фигуры в длинных юбках и цветных платках. Помню, как-то в детстве маман послала меня в магазин, и тот находился рядом с цыганским домом, а возле того на крылечке всегда сидела цыганская бабушка и зорко следила за каждым шагом и шорохом. И я шел мимо, а она, словно почуяв страх, окликнула меня: «Малой! Поди сюда!» – «Нет!» – «Хм. Малой, как звать?» «Витька», – соврал я и со всех ног бросился бежать.

Понимаете, о чем я? Цыгане!

Их было много, не счесть цветных юбок, и все они рассортировывались по перрону в поисках. Всем было ясно, чего они хотят, но не все умели сопротивляться. Я отпрянул от окна, надеясь, что не встречу взглядом, и видел, как от одной из групп отделились двое и направились внутрь вагона. Почти сразу же я услышал их мерное и тягучее «Погадаю! Погадаю!», и поезд оживился.

Они шли по коридору. Одна старая и закутанная в несчетное количество юбок, похожая на матрешку цыганка шла, чуть припадая на одну ногу, а рукой придерживала плотно набитую черную поясную сумку. Она была хмурая и деловитая, и именно ее трескучий голос оповещал всех о возможности узнать свою судьбу. Рядом с ней шла девушка, примерно моя ровесница, ее длинные серьги переливались на солн-

це, потому что волосы она плотно стянула платком, и было в ее образе что-то от пирата: то ли ухмылка, то ли дерзкий взгляд, то ли жажда во что-нибудь ввязаться.

Шаг был неровный, потому что у каждого купе они чуть останавливались, звучно произносилось «Погадаю!» А дальше все зависело от аудитории. Кто-то бубнил «Проваливай!», другие визгливо кричали «Денег нет!», некоторые вяло поддавались на уговоры, и тогда уже у старой гадалки как по волшебству появлялись в руках карты, она чуть задерживалась, протискиваясь в двери купе, потом наступала тишина, и через несколько минут она выходила, придерживая рукой сумку и припадая на одну ногу. Ее спутница не произносила ни слова, только зорко оглядывалась и выпитывала все, как котенок, которого мама-кошка вышла учить ловить мышей.

И двигалась эта крошечная процессия в нашу сторону. Я все громче слышал «Погадаю!», все отчетливее слышалось бубнение соседей в духе «кыш», «прочь» и «черт побери». Мы с товарищем переглянулись, словно безмолвно спрашивая друг друга, какую версию стоит выбрать нам. Школьный знакомый покосился на форменную куртку, которую он повесил на крючок у окна: рядом висел его китель. Я не видел, но будто бы чувствовал, что под ним кобура. Мне казалось даже, что я отлично знал этот калибр, хвастливо подумал, что, вероятно, даже умею *этим* пользоваться лучше него, но вслух ничего не сказал, только пожал плечами. С цыгана-

ми шутки плохи, и мое детское воспоминание, как я назвался Витьком, снова всплыло перед глазами. Я вышел в коридор, оставив моего школьного знакомого самостоятельно отдуваться, если он вздумает решительно проявить себя, а сам оперся спиной о стенку и стал осматриваться. От двух дам меня отделяло всего несколько метров, и я смог их детально разглядеть. Платок, серьги, золотые зубы, чернявые глаза, кудрявые волосы... Но самым примечательным были карты. О, что это были за карты! Колода, которую старая гадалка держала в руках, приковала к себе мое внимание: с черной рубашкой, оттесненной по краям золотой канвой, с обратной стороны были картинки с животными – лось, волк, лисица... Это были не игральные карты, и таких не купишь в магазине, такие даже не привезти «издалека». Я сразу понял, что это та самая вещь, которая должна передаваться из поколения в поколение в семье магов и магичек.

Они уже закончили кричать «Погадаю!» в двери соседнего купе и приближались к нашему. Я вытянулся по струнке у своей стенки, глянул на рисунок платка, на кольца в ушах молодой девушки, и сам для себя внезапно выпалил: «Мне!»

Обе обернулись на меня. Секунду они оценивали ситуацию, а потом старая вдруг как рявкнет:

– Нет!

Я опешил. Как – нет?

– Я хочу знать свою судьбу! – возмутился я.

– Мали ли, что хочешь. Нет, – наотрез отказала она.

– Погадай!

– Тебе нельзя!

– Эй!

Старая выпучила на меня черные глаза, силясь напугать.

Я был готов упираться, это стало делом принципа.

– Я возьмусь. Я смогу, ба, – вдруг выдала девушка.

«Ба» смерила ее тяжелым взглядом.

– Бери, – сухо согласилась она и протянула колоду тех прекрасных карт.

– Сколько?

– Червонец.

– Больше все равно нет.

– Знаю.

Мы вошли в купе. Мой знакомый обалдел, но ничего не сказал, только желваки заиграли на его щеках. Цыганка хотела сесть на его скамейку, предположив, что я размещусь напротив, но напряжение в купе было велико, и она выбрала мою полку, а рядом с другом сел я. Она сняла платок, рассыпав черные кудри, сгребла все со стола в сторону, разложила платок на столе и стала тасовать карты. Я знал, что с каждым движением рук работают и глаза. Она уже знала о нас все и, конечно же, знала весь наш багаж, включая китель, висевший на крючке.

– На море едете, – полушепотом сказала она.

Мой знакомый закатил глаза, а я настороженно кивнул. Она продолжала мешать карты.

– На машине, – вдруг добавила она и в упор посмотрела на меня. – На что гадать будем? На любовь?

Я призадумался.

– Нет. Давай на приключения.

– Хочешь знать, какие тебя ждут приключения?

– Хочу.

– А любовь?

– Любовь и так меня найдет, а вот порцию приключений нужно добывать, как клад. И я хочу знать, где искать.

Она чуть повела бровью и стала раскладывать карты. Я ждал, когда же можно будет взглянуть на картинки, но она их клала черно-золотой рубашкой вверх. Три ряда по три стопки, в каждой по три карты. Верхняя посередине – дорога, справа и слева – будущее и прошлое, сверху что-то, а снизу то-то. Давай уже картинки!

Она сняла первую, верхнюю посередине. На карте красовался огромный черный пес. Она пару секунд пялилась на карту, потом подняла голову на меня, стиснула зубы и скривилась. Ей хватило еще пары секунд, чтобы умелым жестом крупье собрать все карты в тугую цельную колоду.

– Эй, ты куда? – вскочил я, инстинктивно пытаюсь перекрыть дверь.

– Нельзя, – резко ответила она.

– Я видел собаку! Что это значит?

– Сказала – нет. Ба!

Ба уже открыла дверь, и ее массивная фигура устрашающе

маячила в коридоре.

Я вытащил червонец.

– Нет, – буркнула Ба. – Нет.

И они обе пошли дальше, не выкрикивая больше ничего, а только перешептываясь. Молодая трясла головой, а старая бубнила и бухтела.

Я ошеломленно сел на свое место. И что это было?! Всем, значит, можно гадать, а мне нет? Даже денег не взяли. Ох уж эти собаки! То на картах, то на дорогах...

Поезд ехал дальше, уже было пора ложиться спать. Наутро я планировал добраться до моря и начать искать свой сундук с приключениями.

– Слушай, – спросил я своего школьного знакомого, – а все-таки, как думаешь, почему они ушли?

– Кто? – сонно ответил он с соседней полки.

– Ну, цыганки.

– Какие?

– Которые гадали, конечно.

– Думаю, испугались.

Я призадумался...

– Чего же?

– Ясное дело, вот это увидели! – и он похлопал рукой по крючку с одеждой.

Я отвернулся.

Потом я еще много раз возвращался к этой истории. И до

сих пор не знаю, что же именно тогда произошло. Это была история, положившая начало графе «Что-то странное», но стечение всех обстоятельств моей жизни, а именно собак (особенно черных), путешествий, поездок и якобы случайных встреч и совпадений, натолкнули меня на идею, что такого рода истории нужно собирать. Однажды они бы стали отличной книгой.

Собственно, именно этой книгой они и стали, а история про цыганку, которая отказалась мне гадать, потому что ее волшебные карты показали ей мою судьбу, стала первой главой того произведения, что читатель сейчас держит в руках.

История 2. Про тетрадку, в которую я все записываю

Посвящается всем черным гелевым ручкам, которые были истрачены на написание рассказов

Была у меня привычка все записывать. Школьная такая, смешная, детская, но я ею очень гордился, учил и поучал всех вокруг, хвастаясь и ставя в пример свое умение и желание вести подробные записи.

Началась она с мамы, но не с моей, а с мамы моего друга. Однажды, когда я пришел к ним в гости, я услышал от нее сказанную с гордостью похвалу своему сыну: мол, у него есть такая специальная тетрадка, в которую он выписывает все цитаты и интересные поговорки. И, мол, она у него уже такая

толстая – вон сколько насобирал анекдотов и вычиток!

И мне самому тоже ужасно захотелось такую тетрадку. Придя домой, я стал перебирать те, что у меня были отложены на новый учебный год. Все они не годились. Нехорошо использовать тетрадку для алгебры для таких высоких целей. На следующий день я пошел в магазин, стал выбирать из имеющихся там. Нашел парочку, принес домой, сел писать. Мыслей почему-то не было. Я стал вспоминать какие-нибудь цитаты, но на память это сделать оказалось однозначно невозможно. Тогда я взял свою любимую коллекцию книг. Автор перед каждой главой писал какие-то умные замечания на латыни, применения которых в литературе я не слишком понимал. Но это же латынь, сами понимаете! Выписал из десяти томов я прилично и, довольный, лег спать.

На следующее утро я понял, что тетрадка мне не нравится. На кой черт мне цитаты? Пересказывать я их не буду, ссылаться на автора тоже, да и признаваться, что у меня вообще есть что-то подобное, тоже как-то не хотелось. И вряд ли моя маман станет этим гордиться, все-таки ее сын я, а не автор ремарок на латыни...

Я был разочарован этим опытом, хотя он и послужил большому делу: свою тетрадку я все-таки завел. Писать крупные рассказы у меня не было времени, поэтому я просто записывал очерки и зарисовки, которые однажды планировал (или как раз-таки не планировал) переделать во что-то масштабное. Это было забавно, потому что рядом с каки-

ми-то мимолетными идеями я отмечал и глубокие, тревожащие меня мысли. Перечитывая это причудливое соседство, я вдохновлялся еще больше, думая, что однажды из этого всего обязательно выйдет что-нибудь путное.

Через какое-то время я явно ощутил, что моему творчеству чего-то не хватает. Было довольно сложно определить, чего же, потому что в школьный период писанины в целом хватало, а в летнее время у меня часто хромало вдохновение, поскольку количество впечатлений и информации превышало способность сконцентрироваться. Но я старательно вел тетрадку, иногда просто перелистывая и даже записывая отдельные слова и словосочетания. Такие идеи были тоже хороши, но все чего-то не хватало. И я решил купить ручки. Конечно же, цветные ручки.

Мысли были разделены на категории, и на каждую – по отдельному цвету: синий, красный, зеленый. И в то время только начали появляться серебряные ручки. Я купил себе одну, сначала на пробу, а потом начал ею писать везде, залезая даже на поля: так она мне нравилась. Я даже решился однажды показать маман ряд своих выписок, желая впечатлить ее своей новой серебряной ручкой. Мать долго смотрела, хмурясь моему нетерпеливому сотрясанию тетрадкой, а потом выдала: «Карандашом писал? Цвет какой-то... Простой».

Я был поражен. Все ручки отошли на задний план, а на синюю я и смотреть не мог! Как вы понимаете, с тех пор я и

люблю писать карандашом. Простой карандаш для меня как зеленый свет. Увидел заточенную головку – хватай и вперед, к великим цитатам!

Все мы меняемся, менялись у меня и тетрадки. Они все так и назывались – «тетрадки» – но вид их определенно развивался. В какое-то время я очень увлекся блокнотами. Эти всегда были модные: обложка откидывалась или наверх, или в сторону, но всегда – с твердым последним листом-спинкой. Был блокнот с подмигивающей девицей и даже с надписями по-английски. Они быстро кончались, как и мой настрой, поэтому эта эпоха прошла почти что бесследно. И вернулось желание завести *тетрадку*, когда мои дети пошли в школу. Это была странная зависть: у них такие красивые обложки, у этих свеженьких, новых, на кольцах, чистых листах для творчества. Я поступил очень мудро, горжусь собой: я купил несколько (признаюсь, исключительно под мой вкус и размером с альбомный лист) плотных тетрадей с разноцветными обложками – конечно же, для детей, им же тоже надо записывать цитаты их любимых книжек, – и предложил им на выбор, решив, что все, что не досталось им, останется мне. В хозяйстве все пригодится. Сын сразу отказался вообще. Дочь взяла темно-коричневую: спереди обложка была мягкой, едва ли плотнее обычного листа, а сзади имелась твердая картонка. Как она заявила, так удобнее писать на коленках. Я был полностью с ней согласен, хотя по всем правилам воспитания и должен был агитировать за исключительное пись-

мо за столом. А мне досталась ярко-желтая, с изображением осени, на скрепках, а не на кольцах, на ней красными буквами было выведено “Notebook”. Юный мой писатель творил серебряной и золотой ручками, а я продолжил свою верную традицию пользоваться простым карандашом.

Хотелось бы здесь отметить, что «время шло», но оно не шло, а мчалось со страшной скоростью, и не хватало мне листов, листиков, страничек и полей для конспектирования всего гениального, что для меня готовила жизнь. Но в какой-то ее момент я вдруг понял, что так давно ничего не записывал, что блокнот мой покрылся пылью, и что восприятие всей этой идеи у меня поменялось. Рукописи горели, и именно в этом в тот период для меня и была вся их прелесть. Я внезапно осознал, что не хочу сам читать, и не хочу, чтобы кто-то читал мои заметки. Они уже не были личными, поскольку принадлежали другому мне, а всем знакомая переоценка ценностей сделала нового меня очень ворчливым и придиричивым. К тому же за все эти годы я сделал один очень важный вывод: люди склонны верить написанному больше, чем сказанному. Ты их, значит, убеждаешь в чем-то, а они тебе железное «А я читал». И спор испорчен. Читал он, видите ли. Мало ли кто там это написал?!

Я избавился ото всех «блокнотов», решив держать свое творчество при себе. Это было нелегкое испытание, все время хотелось цитировать авторов выражений на латыни из детских книжек, и когда меня спрашивали, откуда я это взял,

мне даже сослаться на «я читал» нельзя было. Я пожимал плечами, видя, что редко кто мне верит. Не выдержав, я завел-таки себе тетрадку и назвал ее про себя «гаражным блокнотом». На самом деле это было что-то вроде крупной записной книжки, из которой я даже позволял себе выдергивать листы, хотя они и были исписаны простым карандашом. А это практически сродни скрижалям! Но я был и в том возрасте, когда мог делать в гараже все что хочу. Ах, да, я же не рассказал вам, откуда взялось такое название... Все очень просто. Я ощущал, что моим мыслям уже не нужно быть оформленными в том виде и объеме, как в молодости. Но им определенно требовалась починка. Я сделал своего рода гараж для своей головы: загоняешь туда мысль, чинишь ее, меняешь масло, фильтры, переобуваешь сезонную резину – и вуаля! Снова можно ездить безопасно. Иногда мысли там подолгу гостили, даже зимовали, как в настоящем гараже. Ведь его задача какая? Сторожить, оберегать, защищать от негативного воздействия окружающей среды. Мой блокнот удачно со всем этим справлялся. И я уж думал, что так будет вечно.

Но время, как мы помним, бежит. Я достал его, пролистал. Поставил на полку. Потом еще раз достал, еще раз вернул на место.

И пока читатель будет ждать выхода новой главы, пусть думает, сколько же сезонных комплектов поменяли мои «гаражные» мысли, прежде чем стать тем, что будет «ездить»

по бездорожью этого произведения.

История 3. Так выглядит надежда

Вера, жаба и любовь

Дело было по осени.

Я вообще люблю осень, она всегда кажется мне уютной и умиротворяющей. Сначала лучи еще напоминают о теплом летнем солнышке, но с началом ветров и первых легких заморозков мир укутывается в атмосферу дома. Хочется закрыться, зашториться, затопиться, как камин в вечерней комнате. Каждый начинает успокаиваться, отходить от суеты и подбирает для себя место для зимовки. Я сделал запасы книг, нарубил дрова летних воспоминаний, насобирал снов на зиму, приготовился и стал ждать.

И я такой был не один.

В моем дворе в тот год под диким виноградником стоял старый железный таз. Длинными летними днями дети пускали там кораблики, а ночами жуки ползли на водопой. С наступлением дождей вода там стояла постоянно, скрываемая опавшими листьями. Жуки приходили все реже, кораблики ушли в зимнюю гавань, и только новый жилец намеревался устроиться там надолго.

Это была маленькая жаба.

Я заметил ее случайно, когда она выползла на один из листиков, сливаясь с его веснушками. По-моему, я даже уже видел ее где-то, уж больно мне было знакомо лицо. После

ряда ежедневных встреч я понял, что она здесь действительно надолго. Я подошел, опасаясь спугнуть, но она была уже у себя – дома – так что боялся я напрасно. Моя новая соседка дала понять, что ее намерения тверды, да я и спорить не стал. Мне было даже приятно, поскольку дружить с окружающими было моим давним хобби.

Так мы и условились. Она была там, на месте, каждый день. И я приходил к ней каждый день. То подливал воды, то разбирал опавший настил, и нам обоим было уютно. Мы присматривали друг за другом, и по утрам она кивала мне из своего тазика, а вечером – я ей. Всегда важно знать, что есть кто-то, кому есть чего пожелать доброго.

Зима в тот год не торопилась, и сырость и слякоть тянулись вереницей почти до конца декабря. Я продолжал проведывать мою знакомую, но с усилением морозов она все реже вылезала на поверхность. Однако я продолжал подливать воды, потом подсыпал снега, следил, чтобы было отверстие для воздуха, и сторожил ее сон, как делают все добрые соседи. Конечно, это был не классический случай: обычно актом вежливости считается понукание своей собаки, если она лает по ночам под чужими окнами, но в моем случае все было очень даже логично, сами понимаете.

Закончился период морозов так же внезапно, как и заведено в нашем регионе: снова сменившись дождями. За жабу я не волновался, в такую погоду после спячки ей должно было быть комфортно, однако каждый день я собирался к

ней в гости. Но не попадал. Корил себя за это, но времени забежать на чашечку кофе действительно не было – наступала весна. Эта пора всегда означала для меня бури и шторма, и каждый раз в начале марта единственной оформленной целью для меня было просто-напросто выжить. Этот год не был исключением. Зная уже давно отработанные сценарии, я каждый вечер крался мимо тазика, стараясь не тревожить мою соседку и обещая самому себе утром ну уж точно навздаться, с восходом солнца я начинал мчаться навстречу грозам и переменам в моей жизни, не отдавая себе отчета об отодвинутых и позабытых планах.

Фух. Наконец спокойствие. Зимние сны просмотрены, весенние бури пройдены, а лето означает что? Отсутствие дождей.

Я метнулся к ней, к той, кого я холил и за кем присматривал всю осень и зиму. Может быть, ушла, проснувшись и не увидев меня? Да нет, конечно. Добрые соседи так не поступают, хотя мне ли об этом говорить. Но она наверняка там, моя маленькая жаба, так отважно решившая поселиться под моим виноградником.

Тазик был стар. В его гавань не зайдут больше детские корабли, жукам придется найти новый водопой, потому что от времени дно проржавело и вывалилось. И на высохшей эмалированной поверхности я нашел жабу, плоскую и шершавую, как пергамент. Я же говорил, она явно решила здесь поселиться, и намерения ее были тверды.

История 4. На кабана

Как-то раз мне поступило предложение устроиться на работу в охранное агентство. Это было почти сразу по возвращении из армии, мои знания были свежи, сам я в отличной форме, амбиции еще не покинули мое сознание, так что, подгоняемый в прямом смысле боевым настроем, я охотно принял это предложение.

Агентство было достаточно большим, достаточно серьезным, весьма престижным, но главное (и что было редкостью в то нестабильное время), исправно платило. Слава о честных сделках простиралась далеко, так что была и некоторая конкуренция. Отчасти этот факт сыграл роль в моем соглашении, потому что мне даже льстило, что меня позвали, приняли и безоговорочно слушали, хотя желающих на мое место было порядком много.

Работа делилась на сезонную и кладовую, и, словно бы иллюстрируя характер занятости, начальник, толстячок по прозвищу «мэтр», перетаскивал рабочий стол то во двор, под навес, в летний период, то в полутемное подвальное помещение с зарешеченным окном – в зимний. Его работникам скука не грозила, ведь они были «на объектах», но каждую неделю по пятницам мэтр устраивал планерки, и тогда вся команда, которая на тот момент насчитывала человек пятнадцать, была вынуждена устраиваться полукругом у стола начальника, независимо от того, где тот стоял.

Основной деятельностью фирмы была охрана того и сего, но примерно раз в месяц появлялась Работа. Именно так, с большой буквы. Работа эта заключалась в том, что нужно было сопровождать торговый караван, который шел в М* пустой машиной, а обратно из М* шел полностью груженный. Обычно такая поездка была рассчитана на двое суток – с вечера пятницы по утро понедельника, – и желающих было много, если не сказать все. Оплачивалась такая Работа сразу, на руки по возвращении выдавалась сумма, равная тройной стандартной зарплате, также давалось два дополнительных выходных дня. Но важнее и ценнее всего был почет, который каждый сопровождающий получал, так как, во-первых, «выживали не все». Звучало это крайне пафосно, но на самом деле речь шла о том, что мало кому везло с полным отсутствием проблем в дороге, а даже самые маленькие неприятности не нужны, особенно если вы в сотнях километров от дома принимаете какие-то решения, наделены ответственностью, да и вообще такая поездка была совсем не туристической. Охранное агентство не просто так звучит так гордо, это название еще нужно заслужить.

Ну, а во-вторых, тем, кому доставалась Работа, был положен еще и специальный инструктаж, который проводил лично сам мэтр. Он слыл знатоком оружия и, помимо того, что отлично разбирался практически во всех его видах, еще и поддерживал свою репутацию тем, что умудрялся доставать для фирмы новшества в должном качестве.

На работу я устроился в начале весны, был очень амбициозным и перспективным, водил дружбу с мэтром и среди коллег имел славу отличного парня. Однако Работа мне все никак не прилетала. Я был все время то там, то здесь, и поэтому у меня было ощущение вечного праздника. Усугубляло ситуацию еще и яркое, палящее июльское солнце. Я пребывал в приподнятом настроении, расслабленно грелся, откинувшись на спинку стула, и вполуха слушал бубнение мэтра, проводившего очередную планерку. В конце планерки он всегда обычно называл имена двух счастливиц, которым предстояло пройти инструктаж: всегда по четвергам, чтобы в пятницу можно было уже выезжать на Работу.

– Ты, ты и ты, – назвал он, и я не сразу даже понял, что одним из имен было мое.

Все начали расходиться, кроме меня и двух моих коллег. Одним был «дедок». На самом деле Филиппу Ивановичу было всего лишь слегка за сорок, но в душе он был именно дедок и, похоже, сам был не против своего прозвища. Второй был молодой, пышущий здоровьем Володька, самый классический пример всех деревенских Володек.

– Зачем нас оставили втроем? – спросил я.

Володька пожал плечами и отвернулся. Это был не первый его инструктаж, и он предпочел быть показательно спокоен. Я не хотел выглядеть на его фоне слабаком и тоже отвернулся, косясь на «дедка». Меня учили всегда брать пример со старших.

Вернулся мэтр, разложил на столе под навесом какие-то коробочки и тряпочки и жестом показал нам подойти.

Начало его бубнения я не слышал, потому что в ушах у меня от восторга зашумела кровь. Одним из новых приобретений для Работы было ружье. Можно описывать его по-научному, по-разбойничьи, по-мальчишески, но, одним словом, это было большое ружье, о котором мечтают все «вожди краснокожих». Я видел такое на армейских учениях, но это не умаляло ни моего изумления, ни трепыхающегося сердца.

– Бу-бу-бу и бу-бу, бу, бу-бу, бу! Патроны, значит, из этой коробочки...

Что это были за патроны! Толстые, золотистые, с резьбой и насечками.

– Зачем это? – спросил Володька.

– Разрывные! – авторитетно выпалил я, не отдавая себе отчет, что перебиваю мэтра.

Дальнейшее «бу-бу» было сухим и академическим, я все это знал. Мне хотелось потрогать ружье, однако прицелиться и пристреляться нам из него не предложили. «Еще успеется», – по-отечески буркнул начальник.

Володька и Филипп Иванович были назначены выполнять Работу, их отпустили собираться, условившись о месте и времени.

– А я? – все же спросил я. – Если я не еду, зачем же мне надо было оставаться на инструктаж?

– Тебе не понравилось ружье?

- Очень понравилось!
- Ты уже видел такое раньше?
- В армии. Там была хорошая подготовка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.